УДК [745.042:599.61](396.4)(-03/-01)

А. А. Попов

Серебряные фалары со слоном из коллекции Эрмитажа

Актуальность работы заключается в новом взгляде на два серебряных фалара с изображением боевого слона. Эти предметы прикладного искусства хранятся в Государственном Эрмитаже и были опубликованы известным исследователем К. В. Тревер. Цель данного исследования – уточнить и расширить с помощью новейших данных знания об этих фаларах. Исходя из современных данных, фалары были изготовлены в диапазоне III–I вв. до н. э. Их произвели на территории или Греко-Бактрии, или какого-то индо-греческого царства, или Селевкидской державы.

Ключевые слова: эллинистический период, эллинистическая культура, Бактрия, Греко-Бактрия, фалар, боевые слоны

Artem A. Popov

Silver phalerae with elephant from the Hermitage Collection

The actuality of this work is the new view on the two silver phalera with the war elephant image. These applied arts items are kept in the Hermitage and were published by the well-known researcher K. V. Trever. The aim of this research is to make more exact and to broaden, with the help of the newest facts, the knowledge about these phalerae. On the basis of modern facts these phalerae were made between the III –I centuries BC. They were produced in the territory of either Greco-Bactria or some Indo-Greek kingdom or the Seleucid state.

Keywords: Hellenistic period, Hellenistic culture, Bactria, Greco-Bactria, phalera, war elephants
DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-103-108

Культурное наследие античного времени является фундаментом современной культуры. Процессы глобализации не только не уменьшают ее значение, но скорее увеличивают, распространяя античные семена по всему миру.

Памятники материальной культуры, артефакты – свидетели и современники многих значимых событий того времени. Некоторые из них привлекают многочисленных зрителей, путешествующих по местам их нахождения. Некоторые сами, будучи в хранении крупных музеев, путешествуют по планете и демонстрируются на выставках. Они способны оживить для многих людей события, изложенные в литературе, и дают возможность осязаемо ощутить прошлое.

Об одном таком движимом шедевре античного культурного наследия эта статья. Существует много научной или научно-популярной литературы об эллинистическом военном деле или о войнах периода эллинизма, где говорится о двух серебряных фаларах с изображением боевого слона с башней из коллекции Эрмитажа.

Одна из целей данного исследования – установить время и место изготовления фаларов, а также рассмотреть значение этого памятника искусства для реконструкции культурных реалий античности.

Научная методика, позволяющая максимально объективно взглянуть на данные артефакты, базируется на фундаменте классиков «лингвистического переворота» в культурной антропологии: американского профессора Х. Уайта и нидерландского профессора Ф. Р. Анкерсмита. Это позволяет по-новому взглянуть на научную традицию, касающуюся эрмитажных фаларов. Несмотря на многочисленные публикации научных исследований в современной историографии и «интеллектуальный алкоголизм» [1, с. 317], невозможно не осуществлять обобщений, выводя науку на качественно новый уровень. При этом работы ученых-гуманитариев следует воспринимать как литературу [13, с. 12]. Она всегда имеет автора, который ставит перед собой историософские задачи. Автор часто не может быть до конца объективным, зависит от культурной и политической среду. Особое воздействие на него оказывают работы предшественников. Он пытается их усовершенствовать или дополнить новой информацией.

В период Второй мировой войны начинается острая полемика относительно культурного наследия эллинистической Бактрии. Во французской литературе появляется термин «бактрийский мираж» [17, с. 73–144]. Попытки найти «тысячи» бактрийских городов на территории Афганистана закончились для руководителя Французской археологической миссии А. Фуше фиаско. Существовал диссонанс между сведениями античных литераторов, обильной греко-бактрийской и индо-греческой нумизматикой, накопленной со времени Просвещения в огромном количестве и очень высоком качестве, и полным отсутствием памятников монументальной архитектуры и круглой пластики, относящимся к эллинистическим школам и стилям.

С другой стороны, еще до столь пессимистического взгляда советский ученый К. В. Тревер осуществляет

масштабную работу по атрибуции памятников греко-бактрийского искусства, хранящихся в Эрмитаже. К ним она отнесла и интересующие нас фалары [12, с. 38, 45–48, табл. 1–2]. Крупная и очень значимая работа К. В. Тревер была опубликована в 1940 г., 80 лет назад.

Произошло это на волне публикации работы У. В. Тарна «Греки в Бактрии и Индии» [20]. Спустя два столетия после выхода в свет первого обобщающего исследования о Греко-Бактрии и индо-греческих царствах Г. З. Байера, работа У. В. Тарна вновь подводила черту под новым столетием изучения этого предмета. Неслучайно, что в этом же 1938 г. вышла книга Н. К. Дибвойза «Политическая история Парфии» [16]. Ведь эти темы, касающиеся античного периода в истории Старого Света, идут рука об руку с эпохой Просвещения, когда наряду с исследованием Г. З. Байера [14], в 1725 г. была напечатана работа Ж. Фуа-Вайяна по истории Парфии и ее царей, в которой некоторые части касались и греко-бактрийских реалий [18].

Мотивы, которые привели К. В. Тревер к обращению к предметам из коллекции Эрмитажа, понятны.

Во-первых, научная рефлексия относительно выхода в свет крупного труда. Действительно, творчество У. В. Тарна привлекало гуманитариев во всем мире. Часто субъективно, но очень образно и ярко с точки зрения литературных риторических оборотов, он рождал неизменный интерес к своим книгам. «Эллинистическая цивилизация» была им написана еще в довоенный период, а монументальный труд об Александре – после окончания Великой войны.

Во-вторых, будучи сотрудником Эрмитажа, К. В. Тревер хотела устранить источниковедческие лакуны при изучении бактрийского эллинизма. Даже работа У. В. Тарна основана преимущественно на данных литературной традиции, сохранившейся с древности от античных и восточных авторов, и обширного нумизматического материала. Эрмитаж не мог не содержать в своих недрах предметы материальной культуры, относящиеся к эллинистической Центральной Азии. В этой связи советский исследователь осуществил поиски этих артефактов. Первые два фактора определили ход мыслей ленинградского ученого, высказанные во введении. Она отметила, что в труде британского ученого «довольно интересно, но не всегда убедительно» изложен материал «без привлечения каких бы то ни было памятников искусства, за исключением монет, которые могли бы, впрочем, быть использованы и полнее» [12, с. 3].

В-третьих, эти поиски шли в период противостояния различных политических лагерей и систем. Большая игра в период борьбы с фашизмом обретала новое звучание. Борьба за сферы влияния в Центральной Азии происходила уже не только между Россией и Англией (СССР и Великобританией), но и Германией (Третьим рейхом), находящейся в союзе с силами, исповедавшими фашизм и нацизм, в том числе в Азии. Афганистан в то время стал ареной активной борьбы разведок различных государств. Недаром первая встреча между главами антигитлеровской коалиции состоялась в 1943 г. в иранской столице Тегеране, некогда территории Персии и Парфии. Таким образом, для К. В. Тревер работа над данным проектом была «делом чести» отечественного ученого и носила прагматический характер. При этом здесь нельзя намекать на некий конформизм советской интеллигенции сталинского времени. Было бы странным полагать, что в душе ученого не откликалась ужасающая драма Второй мировой войны. В 1938 г., когда вышла работа У. В. Тарна, состоялся Мюнхенский сговор. В 1940 г. закончилась Советско-финляндская война, а Ленинград был на военном положении. К. В. Тревер создавала свою работу под аккомпанемент пуль, бомб, двигателей танков и самолетов, глядя в заклеенные бумагой крест-накрест окна.

Учитывая вышеизложенное следует устранить некоторые неточности, допущенные К. В. Тревер.

По отношению к 1940 г. наука обладает значительным набором памятников искусства эллинистической Бактрии. Некоторые из них изучены совсем недавно и, казалось бы, подтверждают атрибуцию фаларов К. В. Тревер. «По технике и стилю» она их относит к Бактрии середины II в. до н. э. [12, с. 38].

На попоне, которая украшает слона, изображена химера в виде гиппокампа. В бактрийском археологическом комплексе храма Окса в Тахти-Сангине найдена бутероль из слоновой кости в виде схожей химеры – ихтиокентаврессы. Хорошая сохранность столь древнего артефакта позволило Б. А. Литвинскому и И. Р. Пичикяну датировать это изделие II–I вв. до н. э. [5, с. 269, табл. 79/4, 80].

Изображенные на фаларах стреловидные бойницы на башне, в которой сидят воины на слоне, найдены в Кампыртепа, археологическом комплексе на территории древней Бактрии. Прекрасно сохранились стены и башни городища селевкидского и греко-бактрийского времени (конец IV – вторая половина III в. до н. э.). Они приведены в соответствующий вид усилиями экспедиций под руководством выдающего исследователя Э. В. Ртвеладзе. В них расположены значительного размера типичные для той эпохи бойницы, по форме напоминающие стрелы [8, с. 203].

Во время создания каталога К. В. Тревер в 1937–1940 гг. произошла знаменитая Хорезмийская экспедиция С. П. Толстова, известного советского первооткрывателя древней хорезмийской цивилизации. Его записки читаются как иллюстрации к рассказам из «Тысячи и одной ночи» с изображением странствий на верблюдах, заброшенных в пустыне городов, усеянных античной керамикой, имеющими сырцовые стены и квадратные башни, которые покрыты «частыми высокими щелями стрельчатых бойниц» [11, с. 27]. Описания его путешествий по-настоящему эпичны: «Иногда это целые мертвые города, селенья,

крепости, замки, развалины целых, некогда населенных районов, постройки которых поднимают на 10–12, а то и на 20 м над руслами сухих, развеянных ветром и занесенных песком каналов свои суровые стены с узкими щелями стреловидных бойниц, грозные башни, круглые и стрельчатые арки» [11, с. 27].

После покорения империи Ахеменидов Александр Великий вступил в дипломатические сношения с Хорезмом. Исходя из описаний С. П. Толстова, уже в античное время хорезмийские фортификации могли иметь схожий внешний вид с цитаделью Кампыртепа.

Казалось бы, эти вещи должны лишь утвердить нас в правильном мнении К. В. Тревер. Однако усиливают убеждение в этой правильности «общие места» в изображении боевого слона на фаларах: его индийское происхождение, так называемый «индиец» в качестве погонщика, облик воинов, находящихся в башне, и, конечно, она сама.

Уже в начале эллинистической эпохи во время Восточной кампании Александра Великого эллины не только столкнулись с боевыми слонами индийского происхождения, но и стали ими обладать уже после победы при Гавгамелах (331 г. до н. э.) [19, p. 31]. Впоследствии многие эллинистические армии активно используют этот вид вооружения. Эти животные представляли порой весьма грозную силу, считались наравне с оружием массового поражения и аналогом современной бронетехники [3, с. 9]. По этой причине римляне старались лишить своего противника боевых слонов, как это случилось после победы при Магнесии (190 г. до н. э.) над селевкидским царем Антиохом III по условиям Апамейского мира. Вплоть до конца эллинизма слоны не сходили с полей сражений. Даже великий римский полководец Юлий Цезарь привел их в Британию, а потом сразился с ними в битве при Тапсе против помпеянцев (46 г. до н. э.). Таким образом, 331–46 гг. до н. э. – это первый яркий период в истории боевых слонов, связанный эллинистическими государствами, а потом и Римом [3, с. 128–130].

На фаларах изображен погонщик, который имеет одежду и антропологический облик явно восточного вида. Действительно, корнаки рассматриваемого периода часто были индийского происхождения. Однако говорить, что они происходили исключительно из Индии, не является верным тезисом. Другой вопрос: как называли в античное время погонщика слонов? Как правило, использовался термин «инд». Сегодня он звучал бы «индиец». Даже выходцев из Эфиопии, управлявших или дрессировавших слонов, награждали таким эпитетом во времена Гезихия Александрийского, филолога и автора словаря V в. н. э. [3, с. 16].

Античное вооружение воина, сидящего сразу за погонщиком, то есть первым в башне по отношению к голове слона, очевидно лишь по типу шлема. Его доспех не виден, он скрыт за стеной башенки. Копье не является исключительно греко-македонским по своей форме. На таком изделии прикладного искусства было бы сложно изобразить сариссу, длинную македонскую пику, даже в силу ее пропорций. Шлем же относится к эллинскому беотийскому типу, имеющему характерную форму каски. Действительно, в греко-бактрийском искусстве встречаются схожие изображения. К. В. Тревер в своем каталоге опубликовала серебряную тетрадрахму греко-бактрийского царя Екратида I Великого, которого венчает такой шлем, схожий с изображаемым на фаларах [12, с. 120, табл. 36/1–2]. В 2005 г. увидела свет полная подборка греко-бактрийских и индо-греческих монет из собрания Государственного Эрмитажа. В опубликованной Н. М. Смирновой подборке оказались монеты с портретом Евкратида I, на которых он изображен в беотийском шлеме. Этот тип портрета имеют его бактрийские и индийские серебряные и бронзовые круглые и квадратные чеканы, а также коммеморативные эмиссии Гелиокла и Лаодики в честь Евкратида I [9, с. 150–151, табл. XIV/88–110, XV/111–117].

Наличие же башни на боевом слоне говорит о многом. Во-первых, по общепринятому мнению, они появились на слонах в эллинистический период. В биографии Евмена у Плутарха [6, с. 22–34] мы встречаем примеры применения их отрядов в войсках этого полководца и его противника Антигона. В девятнадцатом параграфе этой биографии существует описание войск последнего накануне битвы при Габиене на просторах Ирана (316 г. до н. э.). Вероятнее всего, эти сведения Плутарх заимствовал у участника этих событий Иеронима из Кардии, описавшим историю войн диадохов. Здесь встречается пассаж, в котором боевые слоны, облаченные в «пурпурные покрывала», несут на себе башни.

Использование башень на слонах и противоборство находящихся в них воинов красочно описывает Полибий, рисуя знаменитую битву при Рафии (217 г. до н. э.) между войсками Антиоха III и Птолемея IV.

Вплоть до конца истории древности и начала Средневековья на боевых слонах воздвигались башни. Судя по количеству воинов, расположенных в башне, изображенной на фаларах, этот вид боевых слонов относится к «среднему варианту», так как самый «легкий» имеет всего лишь одного погонщика, а «тяжелые» – четырех воинов в башне, как в битве при Магнесии [3, с. 23].

Какую функцию исполняли фалары? Они служили украшением или защитой? Музейное описание одного из фаларов наталкивает на мысль, что они являлись частью конского снаряжения. Он характеризуется как «щит, на котором изображен слон». Фалары происходили из коллекции петровского времени, сформированной из предметов, обнаруженных «частью около Астрахани и в стране между Камою и Волгою, частью вырытых из татарских могил в Сибири» [4, с. 21]. Так как под «татарскими моги-

лами» можно воспринять захоронения кочевника, а указанная местность находки также могла иметь отношение к народам, ведшим кочевой образ жизни, следует сделать вывод об использовании этих предметов для украшения и защиты коня.

Было ли такое положение вещей изначальным? На этот вопрос может дать ответ пассаж из «Естественной истории» Плиния Старшего, в котором описана одна из переправ селевкидского правителя Антиоха. Вожак стада, слон по кличке Аякс, воспротивился переходить вброд реку. Было объявлено, что первенство получит тот, кто перейдет ее. Слон по кличке Патрокл отважился на это. За этот поступок царь наградил Патрокла «серебряными фалерами, которым слоны очень радуются» и другими привилегиями для предводителя. К сожалению, по сведениям Плиния, этот забавный случай закончился отнюдь не весело: Аякс, подвергнутый критике, «предпочел голодную смерть бесчестью» [2, с. 399].

Таким образом, мнение о том, что фалары служили украшением сбруи коня [4, с. 21], не может быть до конца точным. Вес фаларов весьма значительный. Для кратковременного конного парадного мероприятия или быстрой кавалерийской схватки такие предметы могли быть применены. Однако изначально они служили для украшения боевых слонов как знаки отличия их доблести и показателя статуса в иерархии стада или подразделения. Благодаря незаурядным ментальным способностям слоны вполне могли оценить их значимость. Фалары служили важными атрибутами в качестве элементов распознавания «свой – чужой» в сражении или установления значимости того или иного слона [3, с. 88].

В том числе они исполняли защитную функцию. Недаром они указаны в описи как «щиты». Они, действительно, похожи на маленькие щиты. На них присутствуют многочисленные вмятины и пробоины от копий, дротиков и других метательных снарядов с острым наконечником. В этой связи мог ли использовать их человек в качестве элемента нагрудного доспеха? Нельзя полностью отрицать такую возможность.

Фалары могли привлечь внимание К. В. Тревер в том числе по причине своей исключительной материальной ценности. Достаточно вспомнить аттический (афинский) стандарт классического и эллинистического периодов.

В Эрмитаже есть полная подборка серебряных эмиссий царя Евкратида, о котором уже шла речь выше. Они имеют два вида портрета и надписей. В одном случае, где монарх изображен в диадеме без шлема, вес следующих хорошо сохранившихся полновесных монет составляет: обола 0,65 г [9, с. 149, табл. XIII/73], драхмы – 4,16 [9, с. 149, табл. XIII/75], тетрадрахмы – 16,77 г [9, с. 149, табл. XIII/84]. В другом, где монарх в шлеме, вес таких же монет составляет: обола 0,65 г [9, с. 150, табл. XIV/105], драхмы – 4,16 [9, с. 150, табл. XIV/94], тетрадрахмы – 16,77 г [9, с. 150, табл. XIV/93]. Как уже говорилось, одну из тетрадрахм Евкратида, хранящихся в Эрмитаже, опубликовала К. В. Тревер.

Например, можно еще рассмотреть хорошо сохранившиеся монеты греко-бактрийского царя Деметрия I, являющиеся вершиной медальерного искусства античности, которые выполнены из серебра по этому стандарту. За образчик возьмем самые полновесные экземпляры из каталога О. Бопеараччи, известного исследователя культуры Бактрии и Индии, крупнейшего специалиста по данному вопросу. В его работе указан вес серебряного обола равный 0,68 г [15, p. 166, pl. 5, ser. 3/9], драхмы – 4,05 г [15, p. 164, pl. 4, ser. 2/6], а тетрадрахмы – 16,73 г [15, p. 164, pl. 4, ser. 1/1].

Размер одного из фаларов имеет диаметр 24,7 см и вес 634,5 г, сделан он из тонкого серебряного листа с вычеканенным и по большей части позолоченным изображением [4, с. 21]. Изделия выполнены по шаблону, поэтому идентичны по своим параметрам. Их сохранность схожа. Соответственно их материальная ценность и оценка стоимости одинакова.

Пользуясь этими исходными данными, можно сказать, что только по весу стоимость одного из фаларов в период правления Деметрия I и Евкратида I (II в. до н. э.) примерно равна 1000 оболов. Эта сумма не малая по тем временам, если учитывать, что на Балканах на нее можно было скромно прожить небольшой семье около года из расчета около 3 оболов в день. При этом Страбон говорит о плодородии Бактрии [10, с. 488]. В распоряжении одного человека оказались два фалара, которыми он пользовался в качестве украшения животного. Видимо, это был очень богатый человек, который мог себе позволить украсить свое транспортное средство по стоимости эквивалентной цены автомобиля в современном мире.

Значимость монет Деметрия I заключается еще в том, что изображенный на них царь увенчан шлемом в виде скальпа слона. Так как некоторые монетные эмиссии хранятся и в Эрмитаже, К. В. Тревер опубликовала одну из его тетрадрахм в хорошей сохранности [12, табл. 36/5–6]. При описании этого артефакта она отмечает, что «наличие своеобразного головного убора, подчеркивающего определенные и большой важности политически события (завоевание им Индии)» [12, с. 123]. Действительно, это могло символизировать и о покорении индийских земель, о чем мы знаем из античной литературы, и о наличии в его войске боевых слонов. Возможен и комбинированный вариант: этот символ означал победу над индийцами, возможно, с помощью подразделений слонов и их приобретение в индийских территориях. Так или иначе «слоновий шлем» Деметрия I – косвенный аргумент в пользу мнения К. В. Тревер об атрибуции фаларов.

К. В. Тревер опубликовала и медную монету царя Деметрия I с изображением головы слона [12, с. 124–125, табл. 36/7]. Однако другие нумизматические данные стали для нее очередным прямым подтверж-

дением атрибуции фаларов. Ей была опубликована квадратная медная монета Гелиокла I Справедливого, на которой был изображен шагающий слон и легенда на индийском языке карошти. Относительно этого нумизматического источника К. В. Тревер отметила, что слон играл значительную роль в военном деле и в экономике, «очень часто изображался на греко-бактрийских монетах». При этом ученый сделала акцент на том, что слоны изображались часто на монетных эмиссиях тех правителей, которые обладали индийскими владениями. Касаясь облика слона, К. В. Тревер говорит, что слон на монете показан «в той же постановке, как на фаларах с боевыми слоном, что еще раз подтверждает правильность определения этих фаларов как памятников, относящихся к культуре греко-бактрийского царства» [12, с. 133, табл. 37/7].

Тема слона, действительно, часто встречается на монетных изображениях царей, чьи династии относятся к греко-бактрийским по своему происхождению. Однако кроме монет монархов собственно Греко-Бактрии, следует выделять и эмиссии индогреческих правителей, т. к. последние относятся к династиям, преемственным греко-бактрийским. Существует подборка такой нумизматики [3, с. 90–95]. Она в основе базируется на каталоге О. Бопеараччи, в котором образ слона присутствует на серебряных и бронзовых монетах следующих греко-бактрийских и индо-греческих правителей: царя Деметрия I [15, p. 164, pl. 4, ser. 1/3; p. 165, pl. 4, ser. 2/6; p. 165–166, pl. 5; p. 167, pl. 5, ser. 5/15], царя Евкратида I [15, p. 210–p. 216, pl. 20–22, ser. 17–20, 22–25], царя Антимаха I [15, p. 185. pl. 10, ser. 5/B; p. 186–187, pl. 10, ser. 8/16], царя Лисия I [15, p. 266, pl. 38, ser. 1/1; p. 267–268, pl. 38, ser. 4/12; p. 270, pl. 39, ser. 9/A; p. 269–270, pl. 38, ser. 8/22], царя Деметрия III Непобедимого [15, p. 287, pl. 43, ser. 3/G], царя Аполлодота I [15, p. 188, pl. 11, ser. 2/1; p. 189–190, pl. 11, ser. 4/26], царя Антиалкида I [15, p. 271–272, pl. 39, ser. 3/2; p. 273, pl. 39, ser. 6/D; p. 276, pl. 40, ser. 13/42; p. 279, pl. 41, ser. 18/G], царя Зоила II [15, p. 367, pl. 68, ser. 8/G; p. 367, pl. 68, ser. 9/I], царя Менандра I [15, p. 241, pl. 31, ser. 26/H; p. 242, pl. 32, ser. 28/167], царя Гелиокла II [15, p. 284, pl. 42, ser. 7/12; p. 285, pl. 42, ser. 8/K], царя Епандра I [15, p. 306, pl. 48, ser. 3/4], царя Архебия I [15, p. 324, pl. 52, ser. 12/C].

К. В. Тревер уделяет значительное внимание теме слонов, касаясь других памятников, которые она датирует II в. до н. э.: серебряной монеты Аполлодота со слоном зебу [12, с. 134, табл. 37/8], найденной недалеко от Ташкента золотой печати с изображением стрелка из лука, сидящего на слоне [12, с. 139–140, табл. 38/7–8], фрагмента поливного сосуда с изображением боевого слона [12, с. 140–141, табл. 38/9].

Все эти памятники материальной культуры для К. В. Тревер стали весомым аргументов к атрибуции фаларов к Греко-Бактрии II в. н. э.

Помимо этого, сведения античной литературной традиции свидетельствуют о наличии боевых слонов в греко-бактрийском государстве. Полибий передает сведения, касающиеся договора царя Греко-Бактрии Евтидема I и селевкидского царя Антиоха III. Греко-бактрийский правитель вынужден был передать Селевкиду своих боевых слонов [7, с. 176].

Сама судьба фаларов может быть сценарием целого романа или даже серии приключенческих произведений. Их обнаружили около 1725 г. и до 1727 г. они хранились в Летнем дворце Петра I, после чего их передали в Кунсткамеру. С 1859 г. они хранятся в Эрмитаже [4, с. 21]. Однако их путь в известный музей, минуя захоронение кочевника, мог оказаться весьма длинным. И главный вопрос – где и когда он начался?

Фалары сделаны по одному клише. Были ли еще подобные предметы и насколько они были тиражированы? Вряд ли их количество могло быть большим. Возможно, их тираж был всего два экземпляра. При этом отрицать отсутствие единой формы для их изготовления нельзя. И если такое изначальное изделие существовало, оно могло стать исходным пунктом для дальнейшего копирования в последующее время, как и монетные штемпели. Например, существует большое количество так называемых «варварских» подражаний эмиссиям известных греко-бактрийских царей. Тем не менее, будем исходить из реального наличия двух фаларов. Предположим, что других не было.

Учитывая историю боевых слонов с башнями, эти прекрасные памятники прикладного искусства смело можно датировать диапазоном III–I вв. до н. э. Кроме греко-бактрийского государства, они могли быть сделаны в индо-греческих царствах или на территории державы Селевкидов, у которых отряды боевых слонов имели подчас гигантские размеры. У селевкидских царей некоторое время в руках находились индийские владения, кроме территорий Западного и Восточного Ирана [3, с. 65–78]. Таким образом, место изготовления могло быть не только на территории Восточного Ирана, но и на остальной его части. Кроме этого, Индия и даже Ближний Восток могли быть местом производства фаларов.

Остальные части эллинистической ойкумены можно исключить. Так, Африка располагала своим видом слонов. Часто они служили ее символом, включая «слоновий шлем» при изображении ее аллегории или ее правителей. Европейское производство также весьма сомнительно, так как стиль и характер изображения типично восточный. Нахождение фаларов на территории Урала, Нижнего Поволжья или Сибири говорит о том, что в ходе контактов с евразийским Востоком до границ с Китаем эти предметы могли попасть к кочевникам указанных регионов.

В науке часто присутствует скепсис относительно античной литературной традиции, которая подчас выглядит как мифологема. Одна из таких гиперкритических оценок касалась и наличия башень

на слонах. Прекрасные образцы эллинистической материальной культуры – фалары из Эрмитажа – зримое подтверждение правильности сообщений древних классиков. Публикация их отечественным классиком науки К. В. Тревер – важный вклад в развитие знаний о культуре эллинизма.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Кашаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.

2. Банников А. В. Эпоха боевых слонов (от Александра Великого до падения персидского царства Сасанидов). СПб.: Евразия, 2012. 480 с.

3. Банников А. В., Попов А. А. Боевые слоны в Античности и в раннем Средневековье. СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2013. 168 с.

4. Иванов А. А., Луконин В. Г., Смесова Л. С. Ювелирные изделия Востока. Древний, средневековый периоды. М.: Искусство, 1984. 216 с.

5. Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.: Вост. лит., 2001. 528 с.

6. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах / пер. С. С. Аверинцева, М. Л. Гаспарова, С. П. Маркиша; отв. ред. С. С. Аверинцев. 2-е изд. М.: Наука, 1994. Т. 2. 672 с.

7. Полибий. Всеобщая история / пер., вступ. ст. и комм. Ф. Г. Мищенко, отв. ред. и вступ. ст. А. Я. Тыжова. В 3 т. 2-е изд. СПб.: Наука; Ювента, 1995. Т. 2. 424 с.

8. Ртвеладзе Э. Д. Великий индийский путь: из истории важнейших торговых дорог Евразии. СПб.: Нестор-История, 2012. 296 с.

9. Смирнова Н. М. Греко-бактрийские и индо-греческие монеты из собрания Государственного Эрмитажа // Нумизматика и эпиграфика. М.: Вост. лит., 2005. Вып. 17. С. 139–180.

10. Страбон. География. В 17 кн. / пер., статья и комм. Г. А. Стратановского, под общ. ред. С. Л. Утченко, ред. пер. О. О. Крюгер. 2-е изд. М.: Ладомир, 1994. 944 с.

11. Толстов С. П. Древний Хорезм: Опыт историко-археологического исследования. М.: Изд-во МГУ, 1948. 352 с.

12. Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства в собраниях Эрмитажа. М.–Л.: АН СССР, 1940. Т. 1. 180 с.

13. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / пер. с англ.; под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитонова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.

14. Bayer Th. S. Historia regni Graecorum Bactriani. Petropoli, Typographia Academiae Scientiarum, 1738. 270 p.

15. Bopearachchi O. Monnais gréco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonné. Paris: Bibliothèque Nationale, 1991. 459 p.

16. Debevoise N. C. A Political History of Parthia. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1938. xliii, 303 p.

17. Foucher A. La vieille route de l'Inde // Mémoires de la Délégation Archélogique Française en Afganistan. T. I. 1942. P. 73–144.

18. Foy-Vaillant J. Arsacidarum Imperium, sive Regum Parthorum Historia: Ad fidem Numismatum accommodata. T. 1. Parisiis, Carolus Moette, 1725. 521 p.

19. Kistler J. M. War Elephants. Lincoln–London: Univ. of Nebraska Press, 2007. 334 p.

20. Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge: Cambridge University Press, 1938. xxiii, 539 p.

References

1. Ankersmit F. R.; Kukartsev M., Kolomoets E., Kashaev V. (transl.). History and Tropology. The Rise and Fall of Mataphor. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2003. 496. (In Russ.).

2. Bannikov A. V. Epoch of War Elephants (from Alexander the Great to the Fall of Sassanid kingdom). Saint Petersburg: Eurasia, 2012. 480 (in Russ.).

3. Bannikov A. V., Popov A. A. War Elephants in Antiquity and Early Middle Ages. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Univ. of Culture and Arts, 2013. 168 (in Russ.).

4. Ivanov A. A., Lukonin V. G., Smesova L. S. Jewelries of the East. Ancient and Medieval periods. Moscow: Iskusstvo, 1984. 216 (in Russ.).

5. Litvinskii B. A. The temple of Oxus in Bactria (South Tajikistan). Bactrian arm and armour in the ancient Eastern and Greek context. Moscow: Vost. lit., 2001. 2, 528 (in Russ.).

6. Plutarch; Averintsev S. S. (ed., transl.), Gasparov M. L. (transl.), Markish S. P. (transl.). Parallel lives. In 2 vol. 2nd ed. M.: Nauka, 1994. 2, 672 (in Russ.)

7. Polybius; Mishenko F. G. (transl., art., comment.), Tizhov A. Ya. (ed., art.). Histories: in 3 vol. 2nd ed. Saint Petersburg: Nauka: Yuventa, 1995. 2, 424 (in Russ.).

8. Rtveladze E. V. The Great Indian Road: from the history of the most important trade routes of Eurasia. Saint Petersburg: Nestor-Historia, 296 (in Russ.).

9. Smirnova N. M. Greco-Bactrian and Indo-Greek coins from the collection of the State Hermitage Museum. Numismatics and Epigraphy. Moscow: Vost. lit., 2005. 17. 139–180 (in Russ.).

10. Strabo; Stratanovskii G. A. (transl., art. and comment.), Utchenko S. L. (ed.), Kruger O. O. (ed. of transl.). The Geography. In 17 books. 2nd ed. Moscow: Ladomir, 1994. 944 (in Russ.).

11. Tolstov S. P. Ancient Khwarasm: Experience of the Historic-Archeological Research. Moscow: Moscow State Univ., 1948. 352 (in Russ.).

12. Trever K. V. Monuments of the Greco-Bactrian art in the Hermitage Collection. Moscow–Leningrad: The Academy of Sciences of the Soviet Union, 1940. 1, 180 (in Russ.).

13. White H.; Trubina E. G. (ed., transl.); Kharitonova V. V. (ed., transl.). Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-century Europe. Yekaterinburg: Ural Univ., 2002. 528 (in Russ.).

14. Bayer Th. S. Historia regni Graecorum Bactriani. Petropoli, Typographia Academiae Scientiarum, 1738. 270.

15. Bopearachchi O. Monnais gréco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonné. Paris: Bibliothèque Nationale, 1991. 459.

16. Debevoise N. C. A Political History of Parthia. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1938. xliii, 303.

17. Foucher A. La vieille route de l'Inde. Mémoires de la Délégation Archélogique Française en Afganistan. 1942. I, 73–144.

18. Foy-Vaillant J. Arsacidarum Imperium, sive Regum Parthorum Historia: Ad fidem Numismatum accommodata. T. 1. Parisiis, Carolus Moette, 1725. 521.

19. Kistler J. M. War Elephants. Lincoln–London: Univ. of Nebraska Press, 2007. 334.

20. Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge: Cambridge University Press, 1938. xxiii, 539.